

3 АПЫХАВШАЯСЯ, в скромном черном трико, с высоко поднятыми, словно в каком-то трагическом недоумении, бровями... здесь, в репетиционном классе театра, Фирдаус Нафикова совсем не похожа на ту блистательную, вольную и дерзкую Кармен, которая ошеломила и покорила зрителей, собравшихся на премьеру «Кармен-сюиты».

— Три дня назад состоялась премьера—и что же, вновь репетиция «Кармен-сюиты»?

— Да ведь мы ненасытны,— улыбается Фирдаус,—каждое движение готовы повторять и отбатывать бесконечно.

Постановка Башкирским государственным театром оперы и балета «Кармен-сюиты» (музыка Ж. Бизе—Р. Щедрина)—без преувеличения, огромное в жизни театра событие. Хотя бы потому, что спектакль, поставленный в Большом театре Союза ССР специально для Майи Плисецкой, в течение шести лет танцевала она одна. А Фирдаус Нафикова—лишь четвертая исполнительница этой роли у нас в стране. Главное же—современный хореографический язык спектакля, оказавшийся чрезвычайно близким зрителю.

— Кармен в ряду других моих партий?—переспрашивает Фирдаус.—Вы знаете, сейчас, когда я только-только пережила премьеру, мне даже как-то трудно вообще поставить ее в один ряд с другими моими ролями. Кармен—это... мечта. Я и мечтала, и боялась мечтать о ней. И вдруг ставить «Кармен-сюиту» согласился Александр Михайлович Плисецкий.

— Майю Плисецкую я... просто боготворю. Одна эта фамилия—целая эпоха в балете. Мы страшно все волновались, когда узнали, что работать с нами будет ее брат. Александр Михайлович сразу нас покорила: прост, приветлив, в высшей степени интеллигентен. Но главное—бесконечно предан работе. Самый первый вопрос, едва приехал: «Ну, когда репетиция?» Мы почувствовали подлинно творческое отношение к делу, бесконечную требовательность, и, право же, дни репетиций были счастливыми днями.

— Рецензии, профессиональный разбор спектакля и вашей работы, видимо, еще впереди: премьера только-только прошла. А пока такой вопрос, Фирдаус: как складывалось ваше представление об образе Кармен? Зрители, побывавшие на премьере, в тот

же вечер (счастливая совпадение) увидели по телевидению спектакль Большого театра, и смогли сравнить и отметить несколько иную окраску самого характера Кармен на нашей сцене.

— Каждый раз, когда берешься за работу над новой ролью, приходится очень много читать. Прочтешь стараешься буквально все, что о роли написано, и то, что помогло бы нагляднее воссоздать истори-

ю. Любит. Любит все вокруг: это небо, эти горы, закат, утро. Любит жизнь. Она раскрывается навстречу ей, она свободна, раскована изнутри. Она такая, как есть, а не обязательно такая, как все, и этим счастлива. Кармен—сама бурлящая радость. Она делает то, что хочет, а не то, чего от нее требуют.

Помните, как в спектакле: словно неживые, солдаты в масках, равнодушная, безликая

что сидела передо мной, и Фирдаус-Кармен—сливаются.

— Да,—смеется Фирдаус,—я и сама себя ловила на репетициях. Зовут: «Фирдаус, Фирдаус»,—не слышу.—«Кармен!»—как током: меня. Забываешь, что ты—это ты, исчезаешь в своей героине. Не цветы, не аплодисменты, не фото в газете, счастье—эти мгновения. Ради них—слезы и пот, ради них поднимаешься после неудач, когда кажется, что все—вдребезги, ради них—работа до седьмого пота.

Да, неизвестно, кто первый и о ком сказал эти слова, но работу артиста балета они характеризуют со всем возможным буквализмом. День за днем в репетиционном зале—кропотливый, можно сказать, будничный труд. А потом на сцене—воздушные, изящные «фюэте», «жэте», «па-де-шэ». Достаточно, пожалуй, посмотреть только одну репетицию, чтобы понять: в балете случайного успеха быть не может.

—Огромное значение имеет в балете техника. Но техника—это не все. Если я слышу о балерине, что у нее такой шаг (взмах руки—и я вижу, какой это шаг), мне это ничего не говорит. Абсолютно. Образ в спектакле—это и внутренняя работа. Душу надо вложить—тогда будут Одетта, Жизель, Кармен.

Для того, чтобы понять, что для Фирдаус это не просто слова, достаточно вспомнить хотя бы только название одного из ее творческих портретов, опубликованного на страницах «Вечерней Уфы» несколько лет назад—«Фирдаус зажигает сцену». Невозможно зажечь, оставаясь холодной. Восемнадцать лет работы в театре—восемнадцать лет творческого горения.

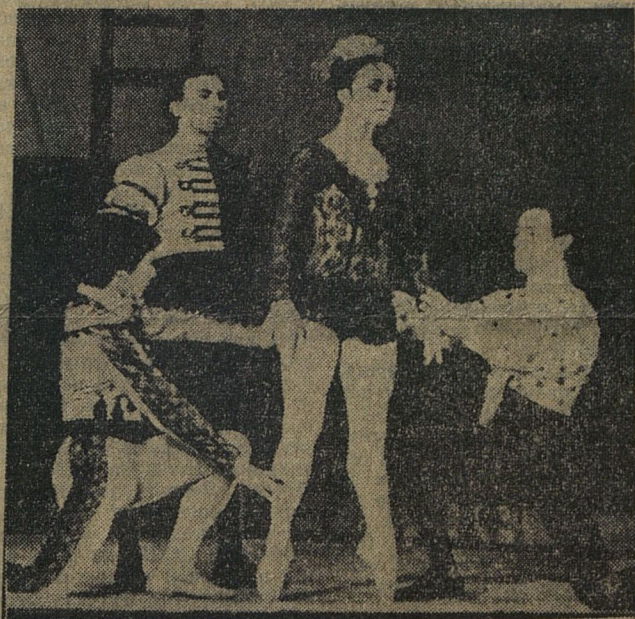
В музыкальную разноголосицу, которая доносилась к нам в гулкий, полумертвый зал из коридора, вдруг вплелось фортепьянное: «У-у лю-лю-бви, как у пташки крылья»... — Пэра, — спохватывается Фирдаус. Перерыв между репетициями закончился. И она уходит к своей Кармен, к обворожительной, лукавой, свободной Кармен, какой она, ведущая балерина театра, заслуженная артистка РСФСР Фирдаус Нафикова подарила ее нам.

Л. КОРШИК.

НА СНИМКЕ: сцена из балета «Кармен».

Кармен — Ф. Нафикова.
Фото Э. НАЗЫКОВА.

Субботние встречи ЕЕ КАРМЕН

ческую обстановку, характер человеческих взаимоотношений тех времен, к которым относится действие. И есть еще просто интуитивное ощущение образа, потому что вольно или невольно сопрягаешь характер любой своей героини со своими представлениями и вкусами, со своим собственным характером. И из множества возможных трактовок образа выбираешь ту, которая тебе понятнее и ближе.

Часто Кармен на сцене (я имею в виду и оперную Кармен)—это женщина-демон, жгучая, властная, уверенная в неотразимости своих чар, принимающая поклонение как должное.

Для меня Кармен—иная. Не женщина, которая жаждет всеобщей любви. Кармен сама

толпа. Им ни до чего нет дела. Они—одинаковые. Механическая, серая жизнь—ею они довольны. Кармен—естественный, щедрый роспуск чувств—угроза этой жизни. «Надень маску, будь такой, как все».—«Не хочу!».—«Ты попадешь в тюрьму, мы заточим тебя».—«А, ну и пусть! Лучше в тюрьме, чем жить на свободе такой, как вы!» Видите, она какая. Порыв, свобода, жизнь, любовь—это ее стихия. Радость, праздник неистребимы в Кармен. Ведь она даже умирает с улыбкой, умирает, не веря, не понимая, что это смерть.

Говорит Фирдаус быстро, взволнованно. Огромные глаза блестят. А когда она непроизвольно повторяет жест Кармен, две Фирдаус—та, худенькая, уставшая, которая только